

Подъ Великій постъ.

Разсказъ.

Наступилъ послѣдній день масленицы—такъ называемое прощальное воскресенье. Въ большомъ селѣ Пруткахъ обѣдня только что кончилась. Народъ гужемъ повалилъ изъ церкви. Послѣднимъ вышелъ церковный староста Игнатъ Петровичъ. Это былъ отставной николаевскій солдатъ, доживавшій уже шестой десятокъ лѣтъ, но съ виду еще очень бодрый. Мирно и счастливо текла жизнь Игната Петровича; но вотъ среди ясныхъ дней и вдругъ на него набѣжала черная туча въ лицѣ его единственнаго сына Андрея. Два года тому назадъ этотъ послѣдній отправился на заработки въ Гаврическую губернію. Какъ человѣкъ грамотный и расторопный, онъ скоро нашелъ себѣ хорошее мѣсто у одного богатаго купца, который и отправилъ его на свой хуторъ въ качествѣ надсмотрщика. Житье тамъ было привольное; одно только не хорошо: слишкомъ далеко отъ родины и по близости нѣтъ храма Божія, и хуторяне всѣ народъ молоканской вѣры. Жутко ему было среди иновѣрцевъ... Молокане скоро это замѣтили и потому не пропустили случая воспользоваться обстоятельствами. Черезъ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ Андрей былъ уже въ числѣ послѣдователей ихъ секты, такъ что, по возвращеніи на родину, онъ открыто объявилъ себя молоканиномъ и порвалъ всякую связь съ своимъ отцемъ въ вѣрѣ и молитвѣ. Мало того, черезъ два

мѣсяца онъ окончательно отдѣлился отъ отца и вмѣстѣ съ женой переселился въ свой новый домикъ, стоящій почти на самомъ краю села.

Тяжелъ былъ ударъ для сердца набожнаго отца... Нѣсколько разъ онъ пытался вразумить Андрея—ничто не помогало. Онъ всякій разъ уклонялся отъ бесѣды съ отцемъ, но однажды не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Да что мнѣ, тятъба, съ тобою разговаривать то, хоть ты мнѣ и отецъ, но принадлежишь къ „церкви лукавнующихъ“ (Ис. 25, 5), значить не со Христомъ, а кто не со Христомъ, тотъ врагъ Его. *Иже нѣсть со Мною*, сказалъ Онъ, *на Мя естъ* (Лук. 11, 23). Потому врагъ ты и мнѣ, такъ какъ я со Христомъ, а ты нѣтъ.

Каково было слышать это глубоко вѣрующему отцу... Сердце его готово было разорваться на части... Бѣдняга не могъ сказать и слова, сотворилъ лишь молитву, перекрестился и, вздохнувъ, съ грустью пошелъ прочь... Съ тѣхъ поръ Игнатъ Петровичъ потерялъ почти всякую надежду на возвращеніе своего сына въ лоно православной церкви, тѣмъ не менѣе не отчаявался и продолжалъ горячо молиться Богу. „Господи,—не разъ бывало со слезами на глазахъ взывалъ онъ во время своихъ продолжительныхъ ночныхъ моленій,—вразуми заблудшаго раба Андрея, настави его на путь истинный, не дай ему погибнуть до конца, ибо Ты Самъ сказалъ: *не хочу смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего, и живу быти ему*“ (Иезек. 33, 11).

Тяжелыя думы одна другой мрачнѣй наполняли голову несчастнаго отца. Мысль о сынѣ, избѣнившемъ православной вѣрѣ, не покидала его ни на минуту. Вотъ и теперь, возвращаясь изъ церкви, Игнатъ Петровичъ не могъ забыть своего горя. „Приближаются великіе дни поста,—думалъ онъ дорогой,—кому постъ, кому молитва, а моему Андрюшѣ.... Эхъ, Господи, Господи, наказалъ же Ты меня за грѣхи мои. Не умѣлъ я воспитать свое дѣтище въ страхъ Божьемъ, не

умѣлъ при себѣ держать, и на что это только я отпустилъ его Богъ знаетъ куда?!... „Тамъ, говорятъ, заработки хорошия, почему, молъ, и тебѣ не отпустить своего сына, коли на то есть его охота.“ Большея заработки, то-то грѣхи-то наши тяжкіе, все мало намъ. Вотъ и отпустилъ... Ужъ никакъ было-бы легче, если-бы онъ у меня померъ, а то легколи, мои матушки, богоотступникомъ сталъ и отъ отца ушелъ, потому, дескать, врагъ ты мнѣ и противникъ Христа...”

Идетъ Игнатъ Петровичъ и не замѣчаетъ, что давно уже прошелъ мимо своего дома. Грустное настроеніе его сегодня усилилось еще болѣе. Причиною тому была связанная священникомъ проповѣдь о прощеніи обидъ. Глубоко врѣзалось въ память ;Игната Петровича это поученіе, особенно слова блаженнаго Августина, приведенныя священникомъ въ доказательство необходимости примиренія съ ближними: „ни поста, ни праздника не можетъ быть тамъ, гдѣ вражда и злоба. Кто живетъ въ раздорѣ съ христіанами, тотъ не можетъ быть въ единеніи со Христомъ.“

— Господи, что это такое со мною, да я ровно какъ-бы безъ памяти,— произнесъ Игнатъ Петровичъ, въ недоумѣніи оглядываясь по сторонамъ,— все село прошелъ, до самаго конца....

Вмѣсто того, чтобы повернуть назадъ и идти домой, онъ остановился и задумался. „Вотъ что—вдругъ мелькнула у него мысль,—можетъ быть, Самъ Господь внушилъ мнѣ завернуть въ этотъ край, дай-ка я зайду къ Андрюшѣ-то, вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ онъ отъ меня отдѣлился, я еще ни разу у него не былъ, встати и день-то нынѣ такой“. Аще убо принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать ничто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ, прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой (Матѳ. 5, 23—24), вспомнилъ онъ тутъ и направился къ балиткѣ прямо стоящаго предъ нимъ дома его сына.

II.

— Здравствуй, Андрей, съ праздникомъ!

— Милости просимъ, спасибо, не безъ смущенія отвѣтилъ тотъ, недоумѣвая, чѣмъ объяснить неожиданный приходъ отца.

За столомъ, кромѣ Андрея и его жены, сидѣлъ еще одинъ сторонній посѣтитель, то былъ молоканскій пресвитеръ, крестьянинъ сосѣдней деревни, Абрамъ Титычъ.

— А, Игнату Петровичу, мое почтеніе, добро-пожаловать, сказалъ Абрамъ Титычъ, — ну какъ проводилъ масленицу-то, теперь небось тужишь?

— Да, масленица почти прошла, только ты напрасно говоришь, что я тужу объ этомъ.

— Будетъ лицемѣрить-то, знаемъ мы васъ, какъ вы блинами-то объѣдаетесь, да водочку попиваете. И что это у васъ за порядки только, не пойму никакъ, цѣлую недѣлю такъ куралесять, что „срамно есть и глаголати“, а потомъ и ну морить себя голодомъ; хороша вѣра, нечего сказать. Потому я вотъ и сказалъ, что ты, небось, тужишь, какъ проводилъ такое веселое времячко. Вотъ наша вѣра въ этомъ случаѣ поистинѣ хороша, у насъ такихъ переходовъ нѣтъ. Блаженъ, кто пересталъ ходить во тьмѣ, какъ, на примѣръ, Андрей Игнатычъ, онъ позналъ истину, присоединился къ нашему обществу и такимъ образомъ теперь со Христомъ, а прежде былъ врагъ Его. Не такъ-ли Андрей Игнатычъ? — обратился пресвитеръ къ Андрею.

Ничего не сказалъ ему на это Андрей, онъ только исподлобья посмотрѣлъ на отца и затѣмъ низко опустилъ голову, задумался.

— Хоть и мастерски, Абрамъ Титычъ, говоришь ты, а послушать, не въ обиду будь сказано, нечего. Православные плохо живутъ, ну а ваши всѣ хороши?

— Всѣ, не всѣ, а ужъ масленицу намъ противъ васъ не справить: блины, пьянство, пѣсни, пляска, драка.... вѣдь

это что? — срамота! у насъ этого ничего нѣтъ, мы, какъ видишь, вмѣсто того занимаемся чтеніемъ слова Божія. (На столѣ предъ Абрамомъ Титычемъ лежала раскрытая Библия).

— Вотъ что, Абрамъ Титычъ, судить своихъ ближнихъ — это не наше съ тобой дѣло, ибо *Единъ есть законодатель и судія мойи спасти и погубити: ты же кто еси осуждая друга?* (Іоак. 4, 12). Нѣтъ, не осуждать, а молиться намъ должно за грѣшниковъ: *Братіе, пишетъ св. апостоль Іаковъ, аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратишь кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его спасетъ душу отъ смерти, и покрываетъ множество грѣховъ* (Іак. 5, 19—20). Опять ты вотъ глумишься надъ нашей вѣрой: „хороша, молъ, у васъ вѣра, когда вы то-то и то-то дѣлаете.“ Человѣкъ ты какъ будто-бы умный и въ словѣ Божіемъ начитанный, а говоришь такія глупости.

— Это какъ такъ?

— Да какъ же, суди самъ, ну развѣ вѣра виновата въ томъ, что православные живутъ не хорошо. Кто же вамъ сказалъ, что наша вѣра учитъ грѣшить?!

Смутился Абрамъ Титычъ. „Если сказать, — думалъ онъ, что вѣра православная хороша — это значитъ отказаться отъ своихъ словъ, противорѣчить себѣ, а сказать, что — худа, не позволяетъ совѣсть...“

Въ это время Андрей, все время со вниманіемъ слушавшій бесѣду отца съ пресвитеромъ, какъ-то недовѣрчиво поглядѣлъ на Абрама Титыча, переглянулся съ женой и снова задумался...

— Такъ-то, — продолжалъ Игнатъ Петровичъ, — сучекъ-то мы у другихъ видимъ, а у себя и бревна не замѣчаемъ. Ну положимъ, не хорошо дѣлаютъ православные, допуская всевозможныя безчинія на масленицу (хотя, конечно, и далеко не всѣ), но вотъ наступаетъ великій постъ, многіе будутъ говѣть, соблюдая строгое воздержаніе въ пищѣ и питьѣ, исповѣдаются и получаютъ отпущеніе всѣхъ своихъ грѣховъ,

а причастившись Св. Таинъ, тѣсно соединятся съ Самимъ Иисусомъ Христомъ, ибо Онъ сказалъ: *ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Теперь видишь, масленица, за которую ты упрекаешь православныхъ, у насъ бываетъ только одну недѣлю, а потомъ наступаетъ цѣлыхъ семь недѣль великаго поста, у васъ же посты никогда не соблюдаются, значить, круглый годъ все масленица, потому всегда ѣдите скоромное, не даромъ васъ и молобанами-то зовутъ.

— Ну вотъ, какіе-то посты еще выдумалъ.

— Нѣтъ, посты не я выдумалъ, ихъ установила святая православная церковь, имѣя на то основаніе въ Священномъ Писаніи.

— Гдѣ-жъ это вы тамъ нашли законъ о постахъ?

— Не знаешь, гдѣ говорится о томъ, что нужны посты, а то же Библию читаешь и пресвитеромъ называешься, — покачивая головой, сказалъ Игнатъ Петровичъ.

— Гм... что-жъ я по твоему, значить, малосвѣдущій, улыбаясь и какъ-то самоувѣренно сказалъ Абрамъ Титычъ, да если хочешь, я тебѣ вразъ докажу, что никакихъ постовъ соблюдать не нужно, слушай: *не входящее во уста сквернитъ человека: но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человека*, прочиталъ онъ II стихъ 15 главы Евангелія отъ Матѳея.

— Для чего-же ты это прочиталъ, вѣдь о постѣ тутъ и рѣчи нѣтъ; здѣсь объясняется только то, что тѣлесная нечистота ничто въ сравненіи съ душевною; слова эти Иисусъ Христосъ сказалъ въ отвѣтъ фарисеямъ на ихъ вопросъ: почему ученики Его не умываютъ рукъ, когда ѣдятъ.

— Или вотъ апостоль Павель въ первомъ посланіи къ Коринтянамъ пишетъ, — продолжая пресвитеръ, какъ бы и не слушая объясненій Игната Петровича, — *брашно насъ не составляетъ предъ Богомъ* (8, 8), т. е. пища, какая бы она ни была, постная или скоромная, не приближаетъ насъ къ Богу, значить, для чего же и поститься, когда и скоромное не грѣхъ употреблять?

— Что ты, Абрамъ Титычъ, Богъ съ тобой, да могъ-ли апостоль учить несоблюденію постовъ, когда самъ онъ много и часто постился, *въ пощеніихъ многаши* былъ я, пишетъ онъ о себѣ (2 Кор. II, 27). Нѣтъ, въ 8 главѣ перваго посланія къ Коринтянамъ святой апостоль Павелъ совсѣмъ не о постахъ говоритъ, а о пищѣ, окропленной идоложертвенною кровію, въ какомъ видѣ язычники и продавали ее на рынкахъ, съ цѣлю осквернить христіанъ. При этомъ нужно сказать тебѣ еще вотъ что. Наша святая православная церковь заповѣдуетъ постъ совсѣмъ не потому, что одна пища, на примѣръ, скоромная, оскверняетъ насъ, а другая, — постная, освящаетъ, приближаетъ въ Богу, но потому, что воздержаніе отъ скоромной пищи въ извѣстное время и умѣренное употребленіе постной служить пособіемъ для того, чтобы ослабить наши плотскія страсти, всякія грѣховныя пожеланія и помыслы. Видишь, пользу-то намъ, значить, приноситъ не самъ по себѣ постъ. Потому-то еще въ ветхомъ завѣтѣ Богъ осуждалъ іудеевъ за то, что они соблюдали только одинъ постъ наружный, безъ внутренняго, т. е. безъ исправленія своего сердца. *Не сичеваго поста Азь избрахъ, и дне, еже смирити челоуку душу свою: ниже аще слячеша яко серпъ выю твою, и вретисе и пепель постелеши, ниже тако наречете постъ пріятенъ,* — говорилъ Онъ черезъ пророка. Нѣтъ, постъ [спасительный и, слѣдовательно, угодный Богу, долженъ состоять вотъ въ чемъ, какъ говоритъ Господь: *разрушай всякій союзъ неправды, разрушай обдолженія насильныхъ писаній... Раздробляй алуцимъ хлѣбъ твой и нищія безкровныя введи въ домъ твой: аще видиши нага, одѣй* (Ис 58, 5—7) примѣръ такого поста представляютъ намъ Ниневитяне, которые были помилованы не за то только, что они постились, но за то, что они воздержались отъ злыхъ дѣлъ. *И заповѣдаша (мужіе ниневійстїи) постъ..., и видѣ Богъ дѣла ихъ, яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ: и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, и не сотвор* (Ион. 3, 5, 10).

— Ну, а что ты намъ скажешь вотъ на это: *не ядый ядушаго да не осуждаетъ* (Рим. 14, 3)?

— Такъ что-жь, по твоему, ядущій, значить, ужъ и правъ, если ближнимъ не дана власть осуждать его? Я думаю, этого никто не скажетъ. Ядушаго, да и вообще всякаго, осуждать мы не должны, но, вѣдь, это не оправдываетъ грѣшника въ грѣхахъ его.

— Однако ты, Петровичъ, говорить-то тоже мастеръ и въ словѣ Божіемъ силенъ, право, хоть буда, когда это только ты и научился!

— Эхъ, Абрамъ Титычъ, Абрамъ Титычъ, да и что-же мнѣ теперь дѣлать-то, какъ не „поучаться въ законѣ Господнемъ день и ночь“ (Пс. 1, 2). Я положилъ себѣ за правило каждый день, отходя ко сну, прочитывать по нѣскольку главъ изъ Библии, вотъ и научился кой-чему, къ тому-же съ нашимъ батюшкой о. Петромъ часто о божественномъ бесѣдую.

— Да, поучаться въ словѣ Божіемъ—это хорошее дѣло, жаль только то, что многое въ немъ ты, какъ видно, не понимаешь и толкуешь по своему.

— Это я-то по своему; не на оборотъ-ли?...

— Ну ладно—ладно,—перебилъ его Абрамъ Титычъ,— пусть будетъ по твоему, не станемъ спорить, ты вотъ лучше покажи-ка намъ, гдѣ это сказано, чтобы нужно было посты какіе-то соблюдать.

— Всѣхъ такихъ мѣсть, я, конечно, не знаю, вотъ если-бы къ о. Петру обратиться, тотъ все-бы тебѣ высказалъ.

— Что намъ твой о. Петръ? доказывай самъ!

— Коли такъ, то слушай. Въ прошломъ году какъ разъ объ эту пору священникъ подарилъ мнѣ небольшую книжечку, и вотъ что я изъ нея вычиталъ. Постъ былъ данъ еще въ раю нашимъ прародителямъ Адаму и Евѣ, когда Богъ сказалъ: *отъ всякаго древа, еже въ раи, съядію съести: отъ древа же, еже разумѣти доброе и лукавое, не съесте отъ*

него (Быт. 2, 16 — 17). Вотъ это повелѣніе Божіе: одно вслушайся, а другое нѣтъ и было заповѣдію о постѣ. Впоследствии-же постъ былъ утвержденъ закономъ. Для примѣра прочитаемъ 2 главу книги пророка Іоиля. *И нынѣ глаголетъ Господь: обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постъ и въ плачи и въ рыданіи... Вострубите трубою въ сіонъ, освятите постъ* (12, 15 ст.). И народъ дѣйствительно постился; постились и такіе праведники, какъ Моисей (см. Исх. 24 г. 2), Даниилъ (Дан. 10, 3) и др.

— Все это такъ, — замѣтилъ пресвитеръ, — но то было въ ветхомъ завѣтѣ, а въ новомъ ничего этого не нужно, потому теперь: „все древнее прошло, — теперь все новое и христіане“ нова тварь (2 Кор. 5, 17).

— Значитъ, ты всетаки согласенъ съ тѣмъ, что въ ветхомъ завѣтѣ былъ законъ о постахъ, и народъ соблюдалъ его?

— Пусть такъ, но то, что было тогда, теперь для насъ не обязательно.

— Вотъ ты, Абрамъ Титычъ, и спутался. Да развѣ Іисусъ Христосъ приходилъ на землю за тѣмъ, чтобы уничтожить законъ? — *Не мните, говоритъ Онъ, яко приидохъ разорити, но исполнити* (Матѣ. 5, 17). Поэтому то Іисусъ Христосъ не уничтожилъ и постъ, установленный еще въ ветхомъ завѣтѣ; напротивъ, Онъ часто бесѣдовалъ о постахъ, указалъ ихъ значеніе, пользу и даже далъ наставленіе, какъ поститься; читай объ этомъ у евангелиста Матѣя въ 6 главѣ 16 — 18 ст., въ 17 главѣ — 21 ст., у евангелиста Марка во второй главѣ 18 — 20 ст. Самъ Іисусъ Христосъ, исполняя законъ, освятилъ постъ своимъ примѣромъ, когда, по сказанію евангелиста, Онъ былъ возведенъ духомъ въ пустыню *и постился днѣиъ четыредесять и нощійъ четыредесять, послѣдиъ вѣзка* (Матѣ. 4, 2). Постились также и св. апостолы, какъ сами — одни, такъ и вмѣстѣ со всею церковью. *Служащимъ-же имъ* (т. е. антиохійскимъ христіанамъ)

ть апостолами) *Господеви и постящимся рече Духъ Святый: отдѣлите Ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ. Тогда постившися и помолвившися, возложише руки на нѣя, отпустиша ихъ* (Дѣян. 13, 2—3), а изъ 27 главы 9 стиха той-же книги видно, что еще при апостолахъ для по-товъ было уставлено опредѣленное время. *Много-же време-шъ минувшу, и сушу уже небезбѣдну плаванію, занеже и юсть уже бѣ прешель, совѣтоваше Павелъ...* Значить изъ Библии видно, что постъ былъ узаконенъ самимъ Богомъ, что постился Самъ Иисусъ Христосъ, постились апостолы и пер-венствующіе христіане, какъ-же ты говоришь, что посты не нужны?...

Ничего не могъ сказать на это Абрамъ Титычъ, онъ, видимо, сильно смутился. Водворилось молчаніе.. Вдругъ раздался ударъ колокола, призывающаго къ вечернему богослуженію. Игнатъ Петровичъ при этомъ перекрестился.

— Эва я какъ долго нынѣ засидѣлся у тебя, Андрей Игнатычъ,—сказалъ пресвитерь,—теперь меня давно ждутъ домой; до свиданья! и съ этими словами вышелъ.

— А я, сынокъ, зашелъ къ тебѣ, чтобы исполнить хри-стіанскій обычай. Ты, вѣдь, знаешь, что сегодня прощаль-ное воскресеніе; нынѣ православные христіане, вѣрные при-зыву своей матери—церкви и памятуя слова Спасителя: *аше отпушае челоукомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный* (Матѣ. 6, 14), испрашиваютъ другъ у друга прощеніе въ нанесенныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ. Для тебя, какъ отдѣлившася отъ православной церкви, этотъ обычай можетъ быть и не обязательенъ, но мнѣ иначе вельзя Прости-же меня, Андрюша, и ты невѣстка, чѣмъ я когда-либо обидѣлъ васъ и при этомъ поклонился до земли.

— Что ты, тятка,—кинулся Андрей поднимать отца,— ты насъ не обижалъ, Богъ тебя проститъ.. прости и ты насъ.

— Ну, дѣтки, а теперь мнѣ пора къ вечернѣ, сказалъ Игнатъ Петровичъ и, поклонившись еще разъ, удалился.

Ш.

Весь остатокъ дня Андрей провелъ молча, видимо, чѣмъ-то очень занятый. Такъ, ни слова не сказавъ, онъ легъ, а спать, но не до сна ему было. Бесѣда отца съ Абрамомъ Титычемъ была предметомъ его ночныхъ размышленій. Разсвѣтало, а Андрей, какъ говорится, еще не смыкалъ и глазъ,

— Дарья, а ты ни того... ничего не вари скоромнаго, обратился онъ утромъ къ женѣ, когда та собралась готовить. Какъ ни толкуй, а что-то меня взяло раздумье: ну да какъ въ самомъ-то дѣлѣ мы заблуждаемся, вѣдь вотъ Абрамъ Титычъ ничего-же не могъ сказать въ отвѣтъ отцу, когда онъ доказалъ отъ писанія, что посты нужны.

— Оно, Андрей, и я такъ своимъ бабьимъ умомъ думаю, какъ это намъ грѣшнымъ не поститься, когда нашъ Спаситель и другіе святые постились?! Вонъ татары басурманской вѣры и то говѣютъ. Да и какой Абрамъ Титычъ есть учитель, о. Петръ тотъ по крайности человѣкъ ученый, потому не даромъ говорится, что „не уча въ попы не ставятъ“, ему, значить, и повѣрить можно, а этоть что? мужичиска, да еще гордый, слава только, что онъ грамотный и въ словѣ Божіемъ гораздъ, небось и тѣ, что на Тавріи совѣратили то тебя, были такіе-же мужики.

— Резонно ты, Дарья говоришь, что правда, то правда, по ученю нашихъ пресвитеровъ съ православными священниками не сравниешь.

Сильно тогда задумался Андрей. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ всего случившагося, онъ готовъ былъ сейчасъ-же идти въ священнику и чистосердечно во всемъ покаяться, но такая поспѣшность пугала его. Онъ еще никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы вдругъ порвать всякую связь съ молоканствомъ... Какъ-бы то ни было, онъ всетаки не рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе. Но если онъ и продолжалъ числиться молоканиномъ, то въ душѣ снова былъ православнымъ... Все переѣнилось въ его жиз-

ни. Абрамъ Титычъ въ качествѣ пресвитера болѣе уже не принимался, въ переднемъ углу была поставлена икона, предъ которой Андрей съ женой теперь начали совершать свои обычныя молитвы, истово полагая на себѣ крестное знаменіе, не употреблялось и скромное въ теченіе всего поста... Такъ прошелъ почти весь великій постъ. „Скоро наступитъ Вербное воскресеніе, думалъ Андрей, православные пойдутъ въ церковь и будутъ стоять съ зажженными свѣчами и вербами, тамъ страстная недѣля, потомъ Пасха... какіе великіе дни, а я... Нѣтъ не могу болѣе терпѣть... Господи, прости меня богоотступника!...

Въ пятницу на 6-й недѣлѣ великаго поста Андрей и Дарья были присоединены къ православной церкви. Исполнилось, такимъ образомъ, желаніе Андрея побывать у заутрени на Вербное воскресеніе, поговѣть на страстной недѣлѣ и по православному встрѣтить Свѣтлое Христово Воскресеніе. Теперь Андрей снова живетъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ и сдѣлался однимъ изъ ревностныхъ сыновъ церкви Христовой, на радость себѣ и своему престарѣлому отцу.

— Благодареніе Господу Богу,—не разъ бывало говорилъ Андрей,—за Его мудрое промышленіе о насъ грѣшникахъ; въ самомъ дѣлѣ: не приди тогда, подѣ великій постъ, ко мнѣ отецъ,—а и пришелъ-то онъ какъ-бы случайно, знамо, не безъ Божіей на то воли,—не знаю, былъ-ли-бы я теперь въ числѣ „дѣтей Отца Небеснаго“; повстинѣ „дивны дѣла Твои Господи...“

Священникъ Л. Колесвъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Священникъ Михаилъ Стефановичъ Покровскій

(† 20 января 1899 г.)

(о к о н ч а н і е).

Михаилъ Степановичъ Покровскій, сынъ священника села Большого Гагарина Моршанскаго уѣзда, родил-